

ИСТОРИЯ

УДК 93/99(093)(47+57-89)+929

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

О.В. Сосновцева

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: SosnovcevaOV@mail.ru

В статье намечены основные вехи в эволюции источников личного происхождения и показаны особенности «эго-текстов» Петровской эпохи. Петровская эпоха рассматривается как отправная точка в формировании источников личного происхождения. На основе сравнительного анализа доказываем преемственность между «эго-текстами» Петровской эпохи и житийной литературой.

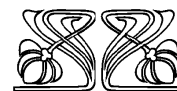
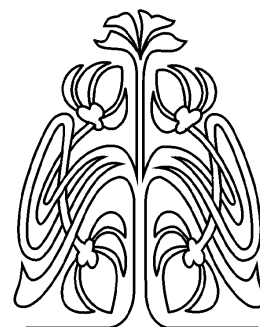
Historical Sources of Private Origin of the Era of Peter the Great

O.V. Sosnovceva

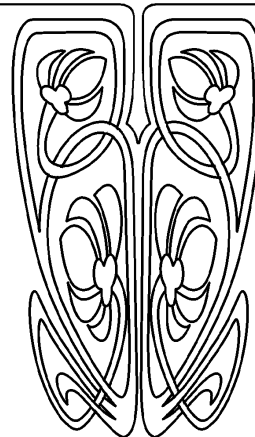
Article shows principal milestones in the evolution of historical sources of private origin, as well as characteristics of the «ego-texts» of the era of Peter the Great. This era is viewed as the starting point of historical sources of private origin's forming. Comparative analyses demonstrates continuity between «ego-texts» of the era of Peter the Great and hagiography literature.

Главная отличительная особенность источников личного происхождения, позволяющая выделить их в отдельную группу, состоит в отражении индивидуальных взглядов конкретного человека на собственную жизнь или историю своего времени в «эго-текстах» (автобиографиях, личной переписке, мемуарах, дневниках). Практически можно поставить знак равенства между этими двумя терминами – источники личного происхождения и «эго-тексты». Это очевидно, так же как не подлежит сомнению тот факт, что источники данного типа могут зародиться не ранее, чем в обществе станут выделять индивидуальное начало из общественного, частное из целого. Формирование личностного самосознания, стремление человека к саморефлексии, желание осмыслить происходящее – вот перечень необходимых условий для того, чтобы человек взялся за перо и создал источник личного происхождения, «эго-текст». Подобные сдвиги произошли только в Петровскую эпоху, которую можно считать отправной точкой в формировании источников личного происхождения, но у этого процесса есть предыстория в допетровской эпохе. Характерную для источников личного происхождения отчетливую фиксацию индивидуальных суждений можно наблюдать только ко времени правления императрицы Екатерины Великой. Основной тенденцией в развитии источников личного происхождения от допетровской эпохи до Екатерины II является постепенное увеличение степени отражения индивидуальных взглядов в текстах. В них начинает все более присутствовать автор, оценивающий описываемые события собственными мерками, predetermined его социальным статусом и социальным опытом.

Источники личного происхождения мемуарного типа зародились в допетровскую эпоху в специфической форме на основе христианских ценностей. В иной форме они и не могли присутствовать в обществе, в котором человек самовыражался только через выделение в себе сакральной ипостаси и сопоставление себя с эталоном нравственности – святостью¹. Речь идет о житиях святых. Останавливаться на их

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

особенностях мы не будем, но отметим, что в «эго-текстах» Петровского времени прослеживается прямое влияние жанра житийной литературы, что позволяет признать их нулевой точкой эволюции. Есть определенная преемственность, легко доказываемая посредством сравнительного анализа конкретных источников.

Для начала обозначим что общего между житийной литературой и «эго-текстами» Петровского времени, а затем выявим особенности источников личного происхождения и способы выражения индивидуальных суждений («птенцами гнезда Петрова», проследив тем самым процесс их развития. Также постараемся затронуть вопрос: как социокультурные особенности эпохи накладывают свой отпечаток на источники? В этом состоят цели данного исследования.

Чтобы доказать влияние житийного жанра на «эго-тексты» петровского времени, рассмотрим несколько конкретных источников: «Житие протопопа Аввакума»², «Автобиографию Б.И. Куракина»³ и «Записки А.А. Матвеева»⁴. Эти источники можно сопоставлять между собой, поскольку у них есть общая черта – они написаны на основе воспоминаний авторов.

При изучении вышеперечисленных источников нельзя не обнаружить следующие внешние сходства.

Во-первых, у авторов прослеживается одинаковая мотивация написания произведений – увековечить события в памяти. «(...) Понужен бысть житие свое написати отцем его духовным (...), да не забвению предано будет дело Божие. Аминь»⁵, – писал в начале своего труда Аввакум. Подобно Аввакуму Матвеев также создает свои записки, чтобы «события (Стрелецкого бунта 1682 г. – *О.С.*) от забвения не обветшались», нужно их запечатлеть в народной памяти, достоверные, а не порожденные народными слухами⁶. Итак, оба автора преследуют одну цель – оставить память о событиях. Но Аввакум пишет для того, чтобы продолжали благое дело Божие, а Матвеев – чтобы люди знали национальную историю.

Во-вторых, у всех трех авторов в начале трудов – надежда на помощь Бога в начатом ими деле. «Всесвятая Троице, Боже и содетелю всего мира, поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими (...). Господи управи ум мой и утверди сердце мое (...)»⁷, – просит Аввакум. Аналогичное «моление» содержится и в начале произведения Матвеева. Куракин указывает, что создает свою автобиографию, следуя традиции европейцев, хотя, так же как и предыдущие авторы, в начале труда просит помощи у Бога, но не в написании произведения, а в покровительстве святых к его жизни. «И напредь прошу Господа Бога и творца и помощницы моей Пресвятой Богородицы (...) и всех святых молитвами в воздержании и счастья»⁸.

В-третьих, имеются общие черты не только во внешнем оформлении произведений, но и в их

содержании. И Аввакум, и Куракин подчеркивали трудности, встречающиеся им на жизненном пути. Это проявление одной из христианских ценностей – мучения посылаются Богом во искупление земных грехов и последующего после смерти попадания в рай. Они сетуют на тяготы жизни, описывают свои мучения, связанные с их жизненным кредо, которые вызывают у них эмоции, заставляют страдать. Кредо Аввакума – проповедь заповедей Божьих. Кредо Куракина – дипломатия. Исповедь грешницы настолько тронула духовный мир Аввакума, что он заболел: «(...) обьяша мя болезни смертныя, беды адовы обыдоша мя, скорбь и болезнь обретох (...). И аз лежал в забыти полчаса и больше, паки оживе Божиим мановением»⁹.

Куракин начинает повествование о своей жизни с описания болезней, подчеркивая тем самым нелегкую судьбу. В три года ему вырезали грыжу – «и от того времени в возрасте младенчества (...) токмо всегда заставлял в болезнях»¹⁰. Непростая профессия Куракина ослабляла его здоровье, а слабое здоровье мешало ему исполнять служебные обязанности. «А я был отпущен на время к Москве, и приехав занемог, и был чирей большой под пазухой, который прорезали»¹¹. Незаслуженное лишение награды за командование Семеновским полком под Полтавой заставляет Куракина страдать. Он высказывает свои переживания, просит помощи у Бога, подобно Аввакуму после исповеди грешницы: «Ох моего плача! Ох моего вздыхания! (...) вдохся управлению Творца моего и Его Богоматери – да не оставят мя в сиротстве моем»¹².

Нужно иметь в виду, что возникновение житийной литературы обусловлено общественно-культурным климатом предшествующих столетий, где центральное место в мировоззренческих ценностях занимало христианство. Секуляризация общественного знания, начавшаяся в нашем государстве под влиянием другого глобального процесса – формирования абсолютистского государства, привела к появлению в житиях наряду со святыми истинами информации о жизни служителей христианства, которые начали восприниматься не как божьи избранники, а как простые смертные, не лишённые пороков и недостатков. Процесс обмирщения культуры пробудил в человеке желание поразмыслить не только о небесном и догмах веры, но и телесном, насущном, потребном. Наряду с миром святых в мировоззрении людей появляется мир людей, мир, в котором они жили и живут. О жизни простых смертных в России не принято было писать. На это указывает Куракин в начале своей автобиографии: «читающего сие мое описание от самого меня (...) будет заирать на что то так описал (...) И то зазрение (...) сподеваюся, токмо от наших, русскаго народу, а не от других европейских, понеже те обычайны в таких письмах. Для того и я не от себя самаго то учинил (...)»¹³. Поэтому европейский обычай соединился с русской традицией написания о себе – житиями

(не будем затрагивать вопрос о византийском влиянии на появление житийного жанра, поскольку ко времени Петра этот компонент прочно вписался в лоно русской православной культуры, так же как христианство византийского образца давно приобрело национальную специфику). «Эго-тексты» времен Петра обязаны своим возникновением своеобразному синтезу европейского и русского на базе национальной традиции. Точнее сказать так. *Не жития – отправная точка отсчета в истории источников личного происхождения, а секуляризация общественного сознания, начавшаяся приблизительно со второй половины XVII в. привела к возникновению «эго-текстов» и их последующему развитию. На формирование источников личного происхождения оказали прямое влияние христианские традиции и ценности, которые привели к возникновению житийного жанра, ставшего (вследствие секуляризации общественного сознания) прообразом автобиографий и записок времен Петра Великого.*

Теперь исследуем, насколько в источниках Петровской эпохи присутствует личность со своими взглядами и суждениями и в чем особенность источников личного происхождения обозначенного периода.

Конец XVII – первая четверть XVIII в. – переходный период от Средневековья к Новому времени. Этот период характеризуется такими чертами, как светскость, открытость культуры. Постепенно в обществе начинает набирать вес рациональное начало, перевешивая иррациональный религиозный компонент средневековой культуры. Общество начинает развиваться более быстрыми темпами, наблюдается ускорение историко-культурного процесса¹⁴. В допетровскую эпоху преобладал «внеличностный тип культуры»¹⁵. С XVII в. постепенно формируется новая картина мира, в которой доминируют три компонента – природа, личность и культура¹⁶. Появляется новая социокультурная линия – антропоцентризм. «Человек становится исходной точкой отсчета в поисках новой концепции мира и себя самого»¹⁷. Вместе с тем «переходный период» дуален, наполнен противоречиями, поскольку старые ценности отмирали, и этот процесс форсировался монархом, а новые «приживались» в сознании человека мучительно и медленно. Индивид находился в состоянии растерянности и поиска новых жизненных ориентиров. Все эти описанные процессы характерны для Петровской эпохи и их следует учитывать при изучении источников обозначенного периода, ведь на способ выражения личных суждений всегда накладывает отпечаток эпоха. Можно считать высказанное положение аксиомой, так как любой источник написан в конкретный временной отрезок, в котором протекают конкретные процессы, непременно отражаемые автором в тексте. Событийная канва как личной, так и государственной жизни фиксируется автором осознанно, но способ выражения

информации и язык у каждой эпохи свой. Это человек также отражает в своем «эго-тексте», но уже неосознанно.

Внутренняя политика Петра I в основном определялась одним глобальным процессом. В период его правления складывается абсолютизм – форма государственного устройства, при которой монарх должен подкрепить практические действия идеологией. Теоретические построения были заимствованы Петром из Западной Европы и адаптированы к России с учетом национальной специфики. Это, прежде всего, теории «общественного блага» и «отца Отечества».

«Общее благо» стало основной целью нового европейского государства и противопоставило его традиционному обществу Средневековья¹⁸. Идеология абсолютизма поставила во главу угла национальное единство под видом всеобщего благосостояния в противовес частным привилегиям и интересам времен феодализма¹⁹. Провозглашалось, что государство существует не ради монарха, а ради подданных. Государь – первый слуга своего Отечества. Его главная обязанность – забота о благосостоянии каждого человека, для чего монарху вручаются ничем не ограниченные, абсолютные полномочия как средства для достижения этой цели. Идеология Петровской эпохи с ключевыми теориями «общего блага», «государственного интереса» и «отца Отечества» буквально вклинилась в христианское мировоззрение посредством целенаправленной политики монарха. Поэтому в индивидуальных суждениях человека Петровской эпохи присутствуют оба этих компонента, совмещенных с социальным опытом конкретной личности. В этом состоит ключевая особенность источников данного типа и всего переходного периода времен Петра Великого, обусловленная процессами социокультурного плана и легко доказуемая на конкретных примерах.

Соединение концепции абсолютистского государства с христианскими догмами проявляется, например, в переписке А.Д. Меншикова с Петром I. «(...) Прося всемогущего Бога, да благословит ваш (...) труд, и наградит (...) воздаянием»²⁰, – пишет в одном из своих многочисленных писем к императору Александр Данилович. Проанализируем эту короткую фразу. В ней присутствует традиционное христианское «моление» о божьей помощи в любом деле, характерное и для источников личного происхождения Петровской эпохи, и для житийного жанра. Обратим внимание на вторую часть цитируемой фразы – «благословит ваш труд». Для христианина успешно завершается лишь то дело, которое благословил Господь Бог. Помимо христианской догмы в цитате заключена еще и одна из теорий обоснования абсолютизма. Император – первый слуга государства, существующего во имя «общего блага». Он *не управляет* государством, а *трудится*.

В каждом письме к императору Меншиков пишет о состоянии государственных дел, предлагает к осуществлению всевозможные проекты, оценивает их реалистичность, высказывая собственное мнение. Это третий компонент «эго-текстов» Петровской эпохи, обусловленный социальным опытом.

Проанализируем другой «эго-текст» Петровской эпохи – «Гисторию о царе Петре и ближних к нему людях» Б. И. Куракина. Современник и соратник Петра он анализирует в этом произведении историю своего времени и события, предшествующие воцарению монарха, пытаясь дать собственную оценку происходящему с 1682 по 1694 г. В начале присутствуют традиционная надежда на помощь Бога в написании труда, христианское отношение к загробному миру как к «вечному блаженству», избавляющему от мирской каждодневной суеты²¹. В произведении отражены и теории абсолютизма, которые Куракин несколько видоизменяет. В частности, у него вместо теории «общего блага» появляется формулировка «народное благо». В идее «народного блага» воплощаются стремления Куракина предотвратить народные возмущения, очевидцем которых он был. Если «народ пребывает в забавах», как во время правления царевны Софьи, то у него нет мысли о восстании. «Народное богатство»²², по мнению Куракина, должно непрерывно умножаться – это фактор стабильности и спокойствия в стране. Таким образом, «общего блага» не будет без «народного блага», а «народного блага» не будет без «народного богатства». Социальная позиция Куракина выражена в «Гистории» посредством хлестких характеристик, данных сподвижникам Петра. «Сей князь был характеру партикулярного; собою видом как монстра; нравом злой тиран; превеликой нежелатель добра никому: пьян во все дни; но его величеству верной так был, что никто другой»²³, – таким нелюбимым выглядит портрет Ромодановского в исполнении Куракина.

Итак, в источниках личного происхождения Петровской эпохи выделяются три компонента: концепции обоснования абсолютизма, христианские ценности и индивидуальные суждения. Доминирующими являются первые два компонента. Третий присутствует не во всех источниках, поскольку эпоха наполнена по содержанию противоречиями в силу своей переходности и сосуществования старых традиций с внедряемыми Петром I, но пока не до конца утвердившимися, новыми ценностями.

В Петровскую эпоху из источников личного происхождения можно встретить следующие типы: дневники и путевые заметки, записки различного содержания, переписку, исторические сочинения современников, автобиографию (этот вид не случайно указан в единственном числе, аналогов «автобиографии» Куракина в Петровскую эпоху автору статьи не встречалось). Остановимся

подробнее на вопросе: как выразился авторский индивидуализм в «эго-текстах» Петровского времени, насколько они «личные»?

Человек Петровской эпохи в определенном смысле – открыватель. Задавшись целью заимствовать из Европы лучшие достижения для модернизации страны, Петр I посылает своих ближайших сподвижников обучаться за границу. «Птенцы гнезда Петрова» открывают для себя непонятную, вызывающую удивление Европу. Первое впечатление у сподвижников Петра – стремление сравнить увиденное с национальным. Впечатлениям от путешествий по западным странам обязаны своим возникновением достаточно характерные для Петровской эпохи (путевые заметки появились не в Петровскую эпоху, а раньше. Например, русские дипломаты вели «статейные списки». Помимо дипломатических дел туда записывалась любая информация о стране, с которой велась переговоры) такие «эго-тексты», как дневники и путевые заметки. Например, дневник и путевые заметки Б.И. Куракина²⁴, заметки о Франции А.А. Матвеева²⁵. Присутствие личных суждений авторов в источниках этого типа минимально. Например, А.А. Матвеев даже пишет о себе в третьем лице. «Сей дворянин (вместо «я спросил» Матвеев пишет так. – О. С.) спросил некоего из жителей, для чего на лутчей фонтане сабака муругая (...)»²⁶. Путешественники подмечают национальные черты жителей других стран, пытаются сравнить все, что видят за границей, с родным и привычным для них. Например, Куракин так описывает Вильно: «Фортеции никакой нет, только был мур (то есть стена. – О.С.) вкруг. Так же как с приезде и выезде нет ворот и никои запоры»²⁷. Данное обстоятельство не может не удивлять Бориса Ивановича, так как в Санкт-Петербурге, городе Петра, регламентируется даже время «отбоя» и «подъема» его жителей. В этом проявляется стремление Петра воплотить в жизнь идею «регулярного государства», столь популярную в период абсолютной монархии. Ворота другой русской столицы, Москвы, закрывали и открывали в определенное время и войти в неположенное время можно было, только заплатив штраф. Другой русский путешественник, Матвеев, выделил как национальную черту французов «многоработность»²⁸. Изредка встречаются простые оценки увиденного в шкале «плохо» – «хорошо», «красиво» – «некрасиво», «большой» – «маленький». Процитируем того же Куракина, описывающего церковь Св. Станислава, расположенную в Вильно. «Костел ветхой, мурован и не мал (...) внутри весь из мрамуров (то есть мрамора. – О. С.) убран, а снаружи из камня великого, белого-белого. Старой работы. Костел Св. Петра гораздо хорошо сделан»²⁹.

Наиболее начитанные люди Петровской эпохи, такие как Матвеев, дополняют описание увиденного историческими справками. Повествуя в своем путевом дневнике о Париже, он заимствует некоторые сведения из «историчес-

кого словаря Морери»³⁰. Как правило, путевые дневники Петровской эпохи все-таки носят описательный характер. В них преобладает сугубо прагматический подход к описанию. Замечают и фиксируют в дневниках только ценные для перенимания явления и необычные. Таковыми для русского путешественника сначала являются все. При этом в путевых заметках ведется статистический учет. Всегда точно указывается место, время, расстояние, цены на различные предметы, количественные и качественные параметры строений, гарнизонов. Это, в общем-то, и понятно. Здесь дело в личностях путешествующих. Среди них в основной массе преобладают дипломаты, чиновники, инженеры – люди, помогающие Петру Великому прорубить окно в Европу, обучающиеся и обучающие. Но и в дневниках в некоторой степени отражается личная направленность интересов авторов. Человек с гуманитарным складом ума, например Матвеев, больше уделяет внимания описанию культурных достояний других стран, интересуется историческими легендами, пытается не просто перенять достижения в различных областях, но и понять ментальные особенности жителей Франции. Человек с математическим складом ума, а таковым является Куракин, о культурных достопримечательностях упоминает вскользь, концентрируясь преимущественно на военной и экономической сфере, на повествовании о качественных и количественных показателях гарнизонов, для чего приводит всевозможные схемы, чертежи. В Петровскую эпоху ведутся только путевые дневники. Вести дневник о собственных переживаниях и собственной жизни человеку Петровской эпохи, конечно же, никогда бы не пришло в голову. Эта норма, столь привычная для нас и берущая начало уже в эпоху Екатерины II, в изучаемый период не вписывалась в социокультурную парадигму. Антропоцентризм только начинал делать первые робкие успешные шаги.

Другой источник личного происхождения, встречающийся в Петровскую эпоху, – записки различного содержания. Этот источник, в большей степени «личный», чем предыдущий, позволяет проследить направленность интересов конкретного человека. Нельзя сказать, что данный вид источника характерен для Петровской эпохи. Скорее он создается теми «птенцами гнезда Петрова», которые быстро усваивали новые ценности, отличные от норм традиционной Московии, и у которых в мировоззрении рациональный компонент перевешивал провиденциальный. Подобные люди находились в меньшинстве. Безусловно, к числу таких соратников Петра в первую очередь относился Б. И. Куракин. Он в большей степени человек нового времени, чем традиционного общества Московии. Из-под его пера вышло огромное количество заметок, раскрывающих его личную позицию как по государственным, политическим вопросам, так и по частным, личным. Приведем несколько примеров. Большая часть

его заметок посвящена внешнеполитическим вопросам. В 1706 г. в Бреславле он написал «о политике государств и прочие заметки»³¹, где высказал свои наблюдения о политическом раскладе сил для России на международной арене. Так, по его мысли, если России придется воевать против поляков, то нужно союзничать со «шведами, цесарем, пруссами, волохами, татарами, саксонцами», против шведов – с Данией, Польшей, Пруссией, против турок – с Персией, Эфиопией, арабами. С точки зрения Бориса Ивановича, у России, таким образом, имеются три потенциальных противника – Польша, Швеция и Турция. В «рассуждении об алиансе, учиненном с ганноверским двором»³², Куракин подвел итог своим дипломатическим наблюдениям, на которые его навели миссии в Рим и Ганновер. Внешняя политика государства во многом зависима от вероисповедных вопросов и даже детерминирована ими. Так, протестантский Ганновер охотнее сотрудничает с протестантской Швецией, нежели с православной Россией. Чтобы изменить этот существующий порядок вещей и склонить Ганновер к союзническим отношениям с Россией, Борису Ивановичу потребовалось приложить массу усилий, сначала выявив, а затем сыграв на противоречиях между двумя протестантскими державами.

Его перу принадлежит ряд записок по внутренней политике. В заметке «Главные задачи московского государства» (1707 г.)³³ он подчеркивает «мнимость» благожелательного расположения Европы по отношению к России. С запада для России исходит «великая опасность», поэтому на границах должны всегда присутствовать войска. Причем из-за опасности нападения европейских держав нельзя набирать рекрутов с опасных пограничных областей, а следует «у черемисов и мордвы», безопасных непограничных районов. Укрепление границ – первая задача нашего государства. Вторая задача Московского государства – борьба с бегством крестьян, «отчего все государство в разорении».

Борис Иванович высказывает ряд соображений и по вопросам торговли. В сочинении «О торговых статьях» (Карлсбад, 4 октября 1705 г.)³⁴ он выделяет географическое положение России (между Европой и Азией) как сопутствующий торговле фактор. Куракин предлагает ряд мер в русле протекционистской политики с ограничением ассортимента импортируемых товаров только самым необходимым. Например, бумагу и оружие можно производить в России. Нельзя показывать европейским державам, что Россия зависима от импорта. По возможности ряд товаров можно завозить из Турции, одновременно налаживая производство в нашей стране. Чтобы добиться выгодных торговых условий, следует на пару лет ограничить отношения с западными державами, зависимыми от нашего экспорта сырья, мехов и соли. Тогда Россия сама будет диктовать Европе условия торговли.

В записке «О посадских торговых людях и ремесленниках»³⁵ Куракин ставит в прямую зависимость «богатство» страны от количества ремесленников и купцов. «Ремесленники умножаются» и «торг умножается», поэтому нельзя рекрутировать в период Северной войны ремесленников, а правильнее взять с них больший налог, чем до войны, который пойдет на содержание армии.

В архиве князя Куракина помимо умозаключений по политическим вопросам встречаются рассуждения по частным вопросам и даже попытка проанализировать собственную жизнь. Блестящий дипломат Петровской эпохи, занимающийся подготовкой дипломатических кадров России, он в первую очередь стремился передать свой богатый опыт сыну Александру, что отражено в «промемории» (то есть памятке. – *О.С.*), написанной для него в Гааге в 1722 г.³⁶ Он обучает сына правильному ведению корреспонденции, документации, а также церемониалу, различному для официальных и неофициальных послов. Записка свидетельствует о том, что сфера дипломатии насыщена стереотипами. Существуют модели поведения, соответствующие определенным ситуациям. Например, при приезде к иностранному двору, чтобы оповестить о своем прибытии, к знатным министрам и послам следует посылать своего секретаря, а к незнатным – «камардинара» (то есть камергера. – *О.С.*). Дипломат обязан вести следующую документацию: книгу-протокол о собственных дипломатических делах, книгу о корреспонденции ко двору, книгу о корреспонденции с другими дипломатами, книгу с записью почтовых денег, книгу о внутривнутриполитических событиях в России. Куракин обстоятельно повествует и о других тонкостях своей профессии.

Своеобразной запиской является сочинение Куракина под названием «Латитудины планет. Нумеры»³⁷. В нем Куракин сопоставляет предсказания по линиям руки и лба о своей жизни и характере с реальностью. Так, по предсказанию у Бориса Ивановича «темперамент есть добр (...) между веселым и флегматическим» (то есть флегматическим. – *О.С.*). Но на самом деле «рожденной (...) был веселее. Однакож (...) от разных противностей и несчастливых сукцессов (то есть случаев. – *О.С.*) в своих делах приял иной гумор (то есть характер. – *О.С.*). Я же есть гипохондрик, замыслив и боязлив». В этом сочинении Куракин пишет о своем характере, друзьях и врагах, счастье, браке, здоровье. Более обстоятельно Борис Иванович пишет о себе только в «Автобиографии».

«Автобиография» Б.И. Куракина частично уже анализировалась при рассмотрении других вопросов в данном исследовании, в частности о преемственности между житийной литературой и «эго-текстами» Петровской эпохи. Было отмечено, что Куракин этим сочинением соединил европейский обычай писать о себе с русской традицией повествования о собственной жизни – житиями.

Полное название «Автобиографии» – «Жизнь князя Б. И. Куракина им самим описанная». Начальная дата написания источника – сентябрь 1705 г. Незаконченная версия появилась на свет в Карлсбаде в 1706 г. Затем автором были вписаны события собственной жизни в период с 1706 по 1709 г. Таким образом, источник создавался не одновременно. По сути, это мемуары, совершенно нехарактерные для эпохи Петра. Авторский индивидуализм Куракина проявился даже через собственную систему летоисчисления. События в источнике распределены по годам его жизни (например, 1-й год жизни, 30-й и т. д.). Причем временной отсчет ведется с 20 июля одного года (день рождения Бориса Ивановича) по 20 июля следующего года, что нередко затрудняет определение точного года описываемого события. Информацию «Автобиографии» можно разделить на две разновидности: описание событий личной жизни и описание событий общегосударственного масштаба, причем обе составляющие причудливо переплетаются в источнике. Индивидуальность Куракина проявилась и в пристальном внимании к своему здоровью (частично это обстоятельство обусловлено христианской традицией, о чем указывалось выше). «Автобиография» Куракина – своеобразная энциклопедия болезней человека Петровской эпохи. Например, «(...) непристанно был запор на низ; один раз так случилось, что с пятеро сутки операции не было, и на пятый день с позволения медика, поставил клестор (то есть клизму – *О.С.*) (...) и всю так материю выметало, что без всякаго труда и тощеты, не так как в проносном лекарстве»³⁸. Другой пример эгоцентризма автора – стремление подчеркнуть собственные достижения для Отечества: «истинно похвалюсь, что нации московской никто чести и славы прежде моего бытия не принес»³⁹.

Немногие современники Петра создают записки по различным вопросам, тем более пишут собственную автобиографию, но в них ярко отражена личная позиция автора, индивидуальность. Это и в нашем понимании «эго-текст». Такие виды источников в Петровскую эпоху – скорее исключение, чем правило. Данное исключение станет правилом уже при Екатерине II. Источники, содержащиеся в архиве князя Куракина, – следующий шаг в эволюции «эго-текстов», направляемой новой социокультурной линией – антропоцентризмом.

В Петровскую эпоху современниками событий пишутся и такие «эго-тексты», как исторические сочинения. Чтобы понять, насколько изучаемый период наполнен противоречиями в силу своей переходности, рассмотрим два исторических сочинения, существенно разнящихся между собой: «Гисторию о царе Петре и ближних к нему людях» Б.И. Куракина и «Записки А.А. Матвеева» о Стрелецком бунте. В большей степени на роль исторического труда с точки зрения достоверности претендует «Гистория» Куракина, написанная

в Гааге и Париже в период с 1723 по 1727 г. Борис Иванович подчеркивает, что кроме собственного опыта и наблюдений при написании своего труда он воспользовался другими «рукописанными ведомостями, (...) сколько мог быть в состоянии собрать». Он планировал сделать свое сочинение более обширным и начать его с происхождения славян, но по каким-то причинам ограничился 1682–1694 гг.⁴⁰ Само произведение обращено к читателю, «для лучшего вразумлению читателя», посредством чего автор выражает свое «эго». Куракин не просто отражает собственную точку зрения, но и навязывает ее читателю, «за верное имеет принять»⁴¹. В произведении встречаются анахронизмы. Например, не правильно названы даты смерти царя Федора Алексеевича и начала Стрелецкого бунта. В целом «Гистория» повествует о правлении трех монархов: Софьи Алексеевны, Натальи Кирилловны и начале правления Петра. Автор описывает характер монархов, сподвижников, мероприятия внутренней и внешней политики, старается дать оценку последствиям правлений каждой царствующей особы для народа и государства в целом. При прочтении «Гистории» складывается впечатление, что Борис Иванович занят поиском идеального образа монарха, чем источник феноменален для своего времени.

«Записки» Матвеева (дата и место написания не известны), хотя и повествуют об исторических событиях, но совершенно в другом ключе, отличном от «Гистории» Куракина. Если у Куракина повествование ведется в русле собственной оценки событий, то у Матвеева – в русле традиционного представления о ходе истории, двигателем которой является Бог. Андрей Артамонович Матвеев был очевидцем Стрелецкого волнения. На его глазах стрельцами был растерзан отец, Артамон Сергеевич, главный советник матери Петра Великого. События Стрелецкого бунта накладываются автором на библейские сюжеты. Например, одной из причин восстания стрельцов является «брато-ненавистная и неискоренная» ненависть людей друг к другу⁴² и изначальная греховность человеческой природы из-за первородного греха. По мнению Матвеева, царевна Софья, «больше мужеска ума», знала, что слабый здоровьем Иван не сможет править. Но ее поступками руководил не ум, и не христианские добродетели, а алчность, «желание к своей стороне полезные принять иные меры», что объясняется особенностями греховной природы человека⁴³. Стрелецкий бунт он оценивает как «безбожное человекоубийство», примера которому не найдется даже «в злочастивом государстве Турецком»⁴⁴. Это «лукавый сеим», сложившийся «на неповинную христианскую кровь»⁴⁵. У него присутствует представление о цикличном ходе истории. Стрелецкий бунт – «предуведение Божие прежних лет», когда убили младенца Дмитрия в Угличе⁴⁶. События «обновились», а «бесчеловечное кровопролитие тиранов» повторилось. В «Записках» Матвеева присутствуют личные

оценки участников событий, даже указывается число восставших, но авторский индивидуализм в нем выражен минимально, а библейские сюжеты спроецированы на исторические реалии.

Несмотря на различный способ повествования об исторических событиях, оба сочинения отражают личную позицию их создателей, один из которых рационалист, другой по-прежнему остается человеком традиционного общества. Само стремление запечатлеть события, очевидцами которых они были, уже свидетельствует об изменении социокультурного климата эпохи, где начинает утверждаться антропоцентризм.

В общеупотребимой классификации источников принято подразделять переписку на деловую и личную. В Петровскую эпоху это слабо выражено: деловая переписка практически не отделяется от личной. Приведем пример из переписки Меншикова с Петром I. В одном из писем Меншиков сначала поздравляет императора «с днем дрожайшего рождения вашего», затем в письме содержится доношение о трудностях в построении флота. К письму прилагаются «овощи моего огорода (...), которые вам на здравие употреблять»⁴⁷. Часто встречаются сугубо деловые письма. Но, как правило, личная переписка не отделена от деловой. Объяснение этого феномена кроется в социокультурном климате эпохи. Служебные отношения в Петровскую эпоху не отделялись от личных. Так, карьера Бориса Ивановича Куракина пострадала из-за личных амбиций. Перед Полтавским сражением в 1709 г. Александр Гаврилович Головкин, сын вице-канцлера Гаврилы Ивановича, посватался к Татьяне Борисовне Куракиной и получил отказ от Бориса Ивановича⁴⁸. Причиной отказа могли стать лишь местнические соображения Куракина. Петра I не мог не возмутить отказ Куракина Головкину и из-за местнических соображений (в 1682 г. местничество было отменено и признано пагубным явлением для Русского государства) Бориса Ивановича, и из-за того, что Гаврила Иванович приходился матери Петра I, Н. К. Нарышкиной, родственником (в последнем случае Петр I сам находился в плену местнических традиций). Отказ Головкину стал причиной лишения служебного повышения, на которое по праву рассчитывал Борис Иванович за успешное командование в Полтавском бою Семеновским полком. Как не пытался искоренить сначала Федор Алексеевич, а затем Петр Великий местничество, оно прочно внедрилось в сознание даже монарха, отсюда происходит неотделенность служебных отношений от личных. Под влиянием местничества в Русском государстве сформировался корпоративно-чиновный взгляд на службу. Она воспринималась как семейно-родовое достояние, которое следовало приумножать все той же службой. Существовала устойчивая иерархическая система подчинения родов, передаваемая по наследству⁴⁹.

В переписке современников Петра помимо служебных отношений содержатся сведения о быте, семье. Например, Екатерина I в письме к Меншикову из Амстердама (8 июля 1717 г.) просит Александра Даниловича написать «сколько зубков выросло у сына нашего»⁵⁰. Это достаточно эгоцентрический источник, но личная жизнь в сознании людей того времени не отделена от государственной.

Подведем итоги. Выражение личностного самосознания в текстах Петровской эпохи во многом происходит в традиционном русле, опираясь на национальную традицию выражения индивидуальности, житейную литературу. В источниках личного происхождения Петровской эпохи в силу переходности периода присутствуют три компонента: христианские ценности, абсолютистские теории и личностное начало. Авторская индивидуальность выражена лишь в некоторых источниках Петровской эпохи: записках по различным вопросам, исторических сочинениях, частично в переписке. Антропоцентризм в Петровскую эпоху делает первые робкие, но успешные шаги. Это положение доказывается в эпоху Екатерины II, когда жанр мемуаров становится привычным явлением для современников, но зачатки индивидуализма начали развиваться именно в период правления Петра Великого.

Примечания

- ¹ См.: *Плюханова М. Б.* О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // *Художественный язык средневековья.* М., 1982. С. 184.
- ² *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.* М., 2001.
- ³ Автобиография Б. И. Куракина // *Архив князя Ф. А. Куракина.* Русская старина. 1890. Т. I.
- ⁴ *Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей, События времен Петра Великого.* СПб., 1841.
- ⁵ *Житие Аввакума.* С. 5.
- ⁶ См.: *Записки А. А. Матвеева.* С. 2.
- ⁷ *Житие Аввакума.* С. 5.
- ⁸ Автобиография Б. И. Куракина. С. 243–244.
- ⁹ *Житие Аввакума.* С. 11–12.
- ¹⁰ Автобиография Б. И. Куракина. С. 241.
- ¹¹ Там же. С. 260.
- ¹² Там же. С. 286.
- ¹³ Там же. С. 243–244.
- ¹⁴ См.: *Кошман Л. В.* О содержании понятия «новый период в истории русской культуры» // *Русская культура в*

переходный период от средневековья к новому времени. М., 1992. С. 13, 15.

- ¹⁵ *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени. М., 1999. С. 114.
- ¹⁶ Там же. С. 11.
- ¹⁷ Там же. С. 87.
- ¹⁸ См.: *Рейснер М. А.* Общественное благо и абсолютное государство // *Вест. права.* 1902. № 9 – 10. С. 1.
- ¹⁹ Там же. С. 14.
- ²⁰ Копии с писем Меншикова к Петру I // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 301. Л. 3.
- ²¹ Гистория о царе Петре и ближних к нему людях // *Архив князя Ф. А. Куракина.* Т. I. С. 43.
- ²² Там же. С. 68.
- ²³ Там же. С. 63.
- ²⁴ *Дневник и путевые заметки Б. И. Куракина // Архив князя Ф. А. Куракина.* Т. I.
- ²⁵ См.: *Русский дипломат во Франции.* Л., 1972.
- ²⁶ Там же. С. 62.
- ²⁷ *Дневник и путевые заметки Б. И. Куракина // Архив князя Ф. А. Куракина.* Т. I. С. 109.
- ²⁸ *Русский дипломат во Франции.* С. 50.
- ²⁹ *Дневник и путевые заметки Б. И. Куракина.* С. 109–110.
- ³⁰ *Люблинская А., Шаркова И. А. А. Матвеев и его труд // Русский дипломат во Франции.* С. 6.
- ³¹ *Архив князя Ф. А. Куракина.* Т. III. С. 168.
- ³² Там же. Т. II. С. 314.
- ³³ Там же. Т. III. С. 175–176.
- ³⁴ Там же. С. 154–159.
- ³⁵ Там же. С. 237–238.
- ³⁶ Там же. С. 78–81.
- ³⁷ Там же. С. 141–149.
- ³⁸ Автобиография // *Архив князя Ф. А. Куракина.* Т. I. С. 271.
- ³⁹ Там же. С. 279.
- ⁴⁰ *Гистория // Архив.* Т. I. С. 41, 79.
- ⁴¹ Там же. С. 42.
- ⁴² *Записки А. А. Матвеева.* С. 2.
- ⁴³ Там же. С. 7–8.
- ⁴⁴ Там же. С. 11.
- ⁴⁵ Там же. С. 13.
- ⁴⁶ Там же. С. 18.
- ⁴⁷ Копии с писем Меншикова к Петру I // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 301. Л. 7, 13.
- ⁴⁸ Автобиография. С. 286.
- ⁴⁹ *Андреев И. Л.* Дворянство и служба в XVII в. // *Отечественная история.* 1998. № 2. С. 166, 169.
- ⁵⁰ Копии с писем государыни императрицы Екатерины Алексеевны к князю Меншикову (1716–1726 гг.) // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 295. Л. 17.